

АЛЕКСАНДР ГРЯЗЕВ

МЫСЛИ ПРО ЗАПАС

Где-то году в 1978-м на праздник двадцатилетия “Литературной России”, проходившем в Центральном Доме литераторов, мой друг, критик Вадим Дементьев, познакомил меня с Расулом Гамзатовичем Гамзатовым. Узнав, что я из Вологды, поэт вскинул обе руки над головой и воскликнул: “О Вологда! Это опровержение ТАСС!”.

Что имел в виду Расул Гамзатов, я сначала понять не мог, но после разговора догадался: он хотел сказать, что Вологда своими писательскими именами опровергает слухи, будто чисто русской литературы сегодня нет. Во всяком случае, я его понял именно так.

* * *

Посмотрите на географическую карту России — и вы увидите, что Дон-река несет свои воды в Азовское море, Днепр — в Черное, Волга питает Каспий, а Западная Двина течет в Балтику. Но все эти реки берут начало на российской земле, в самом сердце Руси. Все они питаются от ее светлых родников.

* * *

В наше время приходится иногда слышать от писателей, что после выхода их книг в обществе ничего не меняется. Стало быть, они зря писали свои романы и повести? Нет, конечно.

ГРЯЗЕВ Александр Алексеевич родился в 1937 году в селе Борок Буйского района Костромской области. Служил в воздушно-десантных войсках. Работал на Череповецком металлургическом заводе. Окончил Московский историко-архивный институт. Автор книг прозы “Подобру да поздорову”, “Чтобы свеча не угасла”, “Грех изумена”, пьес “Всего два дня”, “Одиноким предоставляется общежитие”. Член Союза писателей России. Живет в Вологде. В настоящее время — ответственный секретарь Вологодской писательской организации

Писатели пишут потому, что не могут не писать. Главное для писателя — высказаться, выплеснуть на бумагу все, что накопилось на душе, все, что продумано и выстрадано за многие годы, все то, что, кроме него, никто никогда людям не скажет. И для писателя не столь важно, будут ли его нынешние читатели читать, хвалить или ругать. Важно, что Слово его сказано, а Бог все видит и все знает.

* * *

Одна из удивительных граней русского характера — неистребимая наивность, доверчивость, вера в то, что и все другие исповедуют те же добродетели.

Это проявилось в том, например, что когда русские промышленные люди пришли в конце восемнадцатого века на Аляску, то стали в первую очередь обучать местных жителей грамоте и разным ремеслам, чем отличались от испанцев и англичан, индейцев уничтожающих. А русские православные люди индейских детей отправляли учиться в Петербург, Кронштадт, Иркутск, мечтая даже построить на американском берегу Славороссию — большой город с проспектами и дворцами, как в стольном Петербурге, да чтобы жили в том городе тамошние индейцы.

* * *

Воспоминание детства... На улице сильный мороз, и я сижу в избе. Мне скучно. Наверное, оттого, что мать еще утром, когда я спал, ушла на работу в город. Я жду ее, и она приходит, когда начинает на улице темнеть. Мама достает из своей сумки ломоть твердого от мороза черного хлеба и подает его мне со словами: “Это тебе заяц прислал”. Я верю и с удовольствием ем холодный и удивительно вкусный, какой-то особый хлеб. А только через много лет догадываюсь, что мама, не съев хлеб, взятый с собой, приносила его обратно для меня.

* * *

Когда вижу женщину, идущую в ночную смену на металлургический завод в грохот, пыль и грязь, или ее же на стройке, жонглирующую кирпичами, а потом краснощекого мужика — официанта или такого же за прилавком в магазине среди “предметов женского туалета”, то я начинаю сомневаться в полезности слов, впускаемых с детства: “Где бы ни работать, лишь бы приносить пользу обществу”.

* * *

Однажды мы с пятилетним Стасом смотрели на детском киносеансе “Ну, погоди”. В зале, полном ребятни, стоял такой шум, будто прилетела сюда стая грачей, взрывы ребячьего хохота сопровождали все приключения глупого волка и неуловимого зайца, да я и сам хохотал, следя за их похождениями.

Только Стас не смеялся. Он даже не улыбнулся ни разу, как я ни тормошил его в особенно смешных местах мультфильма. Он молчал, а когда вышли из зала и я спросил его о том, почему он не смеялся, Стас ответил:

— Мне волка жалко.

* * *

Кто бывал на встречах киноартистов со зрителями, тот, наверное, заметил, как они очень много говорят с трудностей своей профессии. Особенно о трудностях на съемках.

Трудно пилить и колоть дрова, трудно стирать белье и таскать воду с речки на коромысле, трудно вставать рано по утрам и еще много-много этих “трудно”.

Как-то одна актриса рассказывала о том, как в деревне, где проходили съемки, крестьянка учила ее доить корову, и как это было трудно, и как долго у нее после этого болели руки. Актриса поведала об этом с юмором, и в зале смеялись.

Я подумал: вот артистка единственный раз испытала на себе тяжесть деревенского труда, а как же та крестьянка, которой доить корову и вставать с петухами приходится ежедневно? Но она сама никогда не скажет, что ее труд тяжелый: в деревне о трудностях говорить не принято.

* * *

Воспоминание детства... Это случилось в День Победы. Когда мы стали завтракать, то дед мой, старый плотник и старый солдат, налив себе стакан вина, встал из-за стола и подошел к стене, где у зеркала висели в резных самодельных рамках давнишние фотографии, и я вдруг увидел в глазах его слезы. Они текли по морщинистым щекам, и это меня поразило. Я спросил:

— Деда, почему ты плачешь?

Он вытер широкой ладонью щеки, обнял меня и ничего не ответил. До этого я думал, что мужчины никогда не плачут... Но среди старых фотоснимков была карточка его погибшего на войне сына и моего родного дяди — Николая.

* * *

Откройте Евангелие от Иоанна и там в пятнадцатой главе прочтёте такие строки: “Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя”.

Слова эти из “Заповеди о любви”.

“За други своя”, “Сам погибай, а товарища выручай” — так согласно заповеди Христовой говорили и поступали издревле на Святой Руси.

В страшные годы Великой Отечественной войны более двухсот бойцов и командиров нашей многонациональной Советской армии закрыли своими телами амбразуры вражеских дзотов, положив свои молодые жизни “за други своя”.

Таких подвигов не было у врагов наших.

ПАНКРАТОВЦЫ

Раскройте энциклопедический словарь “История Отечества. С древнейших времен до наших дней” издания 1999 года и там на странице 326 прочтёте: “Панкратов Александр Константинович (1917—41), политрук роты танкового полка, Герой Советского Союза (1942, посмертно). В Великую Отечественную войну первым совершил подвиг, повторенный А. М. Матросовым и др. 24.8.1941 при штурме Кирилловского монастыря в районе Новгорода закрыл телом вражеский пулемет”.

В эту короткую энциклопедическую справку я добавил бы только то, что Александр Панкратов был родом из-под Вологды, а точнее, из деревни Абакшино Вологодского района.

В словаре всё — правда, а стало быть, и этот великий подвиг самопожертвования справедливо будет называть “подвигом Панкратова”, а тех, кто его совершил, “панкратовцами”. Ведь долгое время считалось, что первым это сделал Александр Матросов, чей подвиг получил наибольшую известность.

Впервые же имена героев Великой Отечественной войны, закрывших своим телом амбразуры вражеских дзотов, были опубликованы в журнале “Молодой коммунист” за февраль 1966 года.

Всего в том списке двести девять известных к тому времени имен героев, и Александр Матросов, совершивший свой подвиг 24 февраля 1943 года, числится там сорок пятым.

* * *

В многонациональном Советском Союзе защита Отечества была делом чести каждого человека, к какой бы нации он ни принадлежал. Да никто на передовой о национальности и не спрашивал. Все были едины перед лицом врага.

Поэтому среди положивших жизнь за Отечество и “за други своя”, закрывших своим телом амбразуры долговременных огневых точек есть русский и грузин, украинец и еврей, белорус и киргиз, казах и армянин, азербайджанец и таджик, татарин и эстонец... Пусть простят меня те, кого не назвал.

Есть среди них и женщина-воин, москвичка и партизанка Римма Ширшневa, закрывшая амбразуру осенью 1942 года на земле Белоруссии.

Надо сказать, что среди героев этого великого подвига кроме Александра Панкратова значатся еще восемь вологжан.

Вот их имена, известные по материалам вологодских газет “Красный Север” и “Вологодский комсомолец”: Василий Прокатов, Сергей Орешков, Николай Петухов, Иван Прохоров, Владимир Усанов, Федор Соколов, Александр Мельников, Николай Варламов.

* * *

Воспоминание детства... На бочке ассенизатора длинный шест с ковшом из немецкой каски.

* * *

Однажды, будучи в Новгороде Великом в 1988 году на Днях славянской письменности и культуры, я оказался в здании железнодорожного вокзала. Там над одним из оконцев увидел с удивлением железную табличку с немецкой надписью “Аускунфт”, что означало — “справка”. “Но для кого?” — подумал я, глядя на этот осколок войны.

И обидно мне стало за новгородцев — вольных, храбрых, лихих и славных русских людей. Неужели за пятьдесят лет после войны не нашлось ни одного из них, которой бы содрал эту табличку? Неужели и память отшибло и зрение у них ослабло? Если уж и оставлять на вокзале память о тех страшных днях, то никак не оккупационную.

* * *

Историки давным-давно подсчитали число пережитых Россией войн. Цифры эти впечатляют. Так, с 1228 года по 1462-й (по В. О. Ключевскому — Ф. Нестеров. “Связь времен”) на Руси было 160 войн. В XVI веке Русь воевала 43 года, в XVII-м — 48 лет, в XVIII-м — 56, в XIX-м веке тоже не один десяток лет, и, наконец, — войны прошлого двадцатого столетия...

Набеги хазар, полоцких и татарских орд, походы ливонских рыцарей и Речи Посполитой, войск шведов, немцев, поляков, венгров, румын, французов, англичан, турок, японцев, американцев, итальянцев, испанцев и многих иных... С кем только ни приходилось воевать россиянам, защищая Матушку-Русь! И удивления достойно то, как мы вообще смогли после всего этого выжить! Ведь каждая война убивала самый цвет нации — юношей и молодых мужчин.

СТАРЫЙ ДОМ

Однажды во время своего очередного грибного похода я набрел на незнакомую мне и, как видно, давно заброшенную деревню. По заросшей густой травой, а кое-где даже и мелким кустарником дороге я подошел к домам, первым из которых был старый с виду, но хорошо еще сохранившийся пятистенок.

Он стоял в самом начале единственной улицы покинутой деревушки, по сторонам которой стояли другие дома с окнами, забитыми досками и оттого похожими на слепцов с повязками на глазах.

Тихо, безлюдно было на деревенской улице, и я с трудом представлял себе сейчас, что, может быть, не так уж и давно такое же, как сегодня, утро начиналось здесь голосами нетухов, звоном подошников, веселым перестуком пастушьей “бара-банки”, мычанием коров, приветствиями хозяек-заботниц и прочими родными звуками деревенской жизни. Так было здесь по будням, а о праздниках и говорить нечего. С самого утра деревня жила ожиданием гостей, а потом, когда праздник выходил из домов на улицу, до самого позднего вечера не стихали на ней веселые звуки гармошки, песен, смеха... Теперь же лишь ветер гулял вдоль заколоченных домов да шум листвы тополей и берез нарушал эту грустную тишину

Трудно сказать, когда поставили здесь на краю деревни этот пятистенок, но по всему видать, что рубил его хозяин на свой век и будущий. Самые нижние венцы сруба, сложенные из смолистых сосновых бревен, казались еще крепкими и надежными, и мне подумалось, что начал умирать он намного раньше положенного ему срока.

Мимо покосившейся и висящей на одной петле дверцы я поднялся по ступенькам крыльца. Когда-то по ним же вводил в дом свою родню хозяин, вдыхая запах свежих сосновых бревен и радуясь делу рук своих, срубивших эту хоромину. Теперь же невольно вспоминалась верная поговорка, что без хозяина дом сирота.

По шатким половицам полутемных сеней, куда дневной свет пробивался через дыры в крыше, я подошел к двери избы и отворил ее. Она подалась тяжело, со скрипом, — и я переступил через порог.

На меня сразу пахнуло нежилым запахом кирпичей давно не топленной печи и отсыревшего дерева. Я стоял посреди заброшенного жилья и, глядя на разбитый чугунок у печки, рваные клочья обоев, сломанный стул возле стены, а под ним детскую куклу с оторванными ножками и прочие, теперь уже никому не нужные вещи, кажется, физически ощущал всегда волнующую нас необратимость явлений жизни — вечную спутницу бытия человека.

Присев на широкую лавку у окна, я увидел под ней исписанный лист бумаги. Чернила от воды расплозлись, но слова разобрать еще было можно, и я прочел: “Дорогие тятя и мама! В первых строках нашего письма сообщаем, что мы живем ничего. Как вы там одни...”. Дальше я читать не стал, а, сидя у окна разрушенного человеческого жилья, вспоминал тех людей, которые говорили мне о числе снесенных российских деревень в нашем краю и сколько их, “бесперспективных”, еще снесут. Они говорили об этом с воодушевлением и радостным блеском в глазах и, очевидно, совсем не понимали, что восторгаться разрушением и уничтожением чего-либо безразлично и порочно. Кто научил их этому? Неужели они не понимают, что уничтожается не просто деревня, а стирается с лица земли целая культура? Даже две: культура природы (ведь дома и сарай, огороды и пашни, луга и мельницы на реке — часть природы нашей) и деревенская человеческая культура с ее вечным кругом забот, с буднями и праздниками сельской жизни, когда что ни деревня, — то свои обычаи, свои слова, своя песня...

...В сенях что-то упало, и этот звук заставил меня вздрогнуть. Наверное, отвалилась какая-нибудь доска, висевшая на ржавом гвозде, или рухнул подгнивший столб на дворе. Казалось, что вовсе не дом, а человек умирал на моих глазах, а я ничего для него не мог сделать. От этого мне стало как-то не по себе. За окном ярко светило солнце, и я поспешил выйти на улицу...

* * *

Стоишь в солнечный и теплый весенний день на свежей проталинке какого-нибудь бугорка и вдруг тебя начинает охватывать необъяснимое чувство радостного волнения, и кажется, будто ты и есть вот эта зеленая травинка, тянущаяся к жизни и свету, и этот самый бугорок, теплый от первых весенних лучей солнца.

* * *

Тем, кто ходит летом по грибы, наверняка случалось во время своих плутаний забредать в густой сырой лес. А там — продираться сквозь сплетения колючих ветвей кустарников, перелезать через поваленные старые деревья, вязнуть в мокром мху. В таком лесу всегда сумрачно и влажно, и кажется, что сюда, вниз к земле, вообще не пробиваются солнечные лучи.

И как, напротив, светло и чисто в сухом беломошном бору! Свет струится со всех сторон — и внизу от белого мха под ногами, и сверху от солнца над головой. Деревья в таком бору стоят редко, и видно меж ними далеко-далеко...

Такое же светлое чувство испытываешь при чтении стихов истинных поэтов. Там всегда ясно и чисто, свободно и легко дышится, как в том сосновом бору-беломошнике, насквозь пронизанном солнечным светом. Хорошо на твоей душе и видно далеко-далеко.

* * *

В соседней деревне умер еще не старый и очень добрый человек. Все вокруг жалели его и горько сокрушались. Сказали об этом и нашей бабушке Прасковье. Та отнеслась к известию на удивление спокойно. Лишь перекрестилась. “Хорошие-то Богу и самому нужны”, — сказала она.

* * *

По неписаным правилам крестьянского стола даже крошка хлеба не должна зря пропадать, а по правилам так называемого “хорошего тона” хлеб за обедом не доедают.

* * *

Во время шефской поездки в подгородное село молодая женщина — работница какого-то областного учреждения — без умолку рассказывала о своем недавнем туристическом путешествии за границу. Восторгам ее не было предела. Много видела, многое знает, а особенно по части живописи, скульптуры, архитектуры. И, вообще, как видно, много читала об искусстве.

В один из перерывов, усевшись на копну ячменя (убирали после косцов), вдруг спрашивает: “Это сено или солома?”. Пришлось объяснять.

* * *

В девяностых годах прошлого века в обиход вошло выражение “три ветви власти” — о власти законодательной, исполнительной и судебной. Журналисты же из расплодившихся, как грибы после дождичка, газет, в большинстве своем самодельные, “с улицы”, но зараженные микробами либерализма и космополитизма, придумали еще одну власть — “четвертую”, свою, выдавая желаемое за действительное.

Но ведь их работа, особенно сейчас, сродни собачьей: за деньги, по команде хозяина, — лаять и кусать, лизать и гоняться... Совсем не случайно с очень давних пор профессия журналиста сравнивают с профессией гулящей девки. Какая уж тут власть!

У любого народа власть над умами и душами людскими — это предназначение национальной литературы, религиозной веры, высокого национального искусства, музыки, живописи.

И как тут не вспомнить слова Ивана Сергеевича Тургенева: “Космополитизм — чепуха, космополит — нуль, хуже нуля. Вне народности ни художества, ни истины, ни жизни — ничего нет”.

* * *

“Каждый выживает в одиночку”, “Это его проблемы” — так всегда говорили, и поступали на Западе. По таким либеральным правилам и сейчас живут люди в Европе и Америке.

“Последним героем” у них часто становится тот, кто сделал свое счастье на несчастьи других. Для нас же такой человек — последний негодяй.

Свои правила и законы человеческого общежития западники вдалбливают сегодня в головы нас, россиян. Устоим ли? Надо устоять!

* * *

Железоборовский мужской монастырь Костромской епархии был основан в 1390 году при сыне Дмитрия Донского Василии Дмитриевиче учеником преподобного Сергия Радонежского, иноком Иаковом, возле моего родного села Борок Железный на древней земле Галичского княжества.

Монастырь благополучно жил до тридцатых годов прошлого века, когда безбожная власть закрыла древнюю обитель, а ее насельников-монахов во главе с игуменом отцом Серафимом выслала в места отдаленные.

Перед тем судилищем иноки монастыря многие иконы тайно разнесли по сельским избам с наказом хранить их до лучших времен. По рассказам моей матери, два монаха пришли и в наш дом к бабушке Прасковье и деду Александру — родственникам последнего игумена отца Серафима. Они передали им икону “Распятие Господа нашего Иисуса Христа” и наказали ее вернуть в монастырь, когда службы церковные там возобновятся.

Какую же веру надо было иметь, чтобы говорить так и надеяться на возрождение поруганной и порушенной монастырской обители!

При жизни деда и бабушки этого не случилось. Лишь в середине девяностых годов на развалины монастыря пришли трудники-строители во главе с настоятелем отцом Андрианом. В сохранившейся Северо-Восточной башне они открыли часовню и стали служить молебны и читать акафисты преподобному Иакову Железоборовскому. Случилось то, во что верили монахи семьдесят лет назад: службы Господу в монастыре возобновились — святая обитель стала возрождаться!..

И в один из дней церковной службы в монастырской башне я, выполняя наказ бабушки и матери, передал икону “Распятие” иеромонаху и настоятелю монастыря отцу Андриану. Старая икона возвратилась в свой дом...

Все исполнится и сбудется... Надо только верить!

